

УДК 94

**ПУТЕШЕСТВИЕ КАЙЗЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА В ПАЛЕСТИНУ В 1898 г.
ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ¹**

© 2016 г.

*М.С. Шаповалов*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск
Омский институт водного транспорта, Омск

shapovalov_ms@mail.ru

Поступила в редакцию 08.06.2016

Рассматривается практически не исследованное в России событие – путешествие германского императора Вильгельма II в Палестину осенью 1898 г., освещаемое через взгляд ведущих российских печатных изданий. Реконструируются причины и цели, которые привели германского императора на Святую землю, место и будущее Палестины в системе международных отношений, оценка российской прессой расстановки сил на Востоке. Особое внимание уделено позициям и анализу мнений российских журналистов и авторов П.Н. Дубенского, К.К. Розенблюма, В.Н. Хитрово, В.А. Шуфа. Источниковую базу статьи составляют выпуски российских газет в августе – декабре 1898 г.: «Новое время», «Правительственный вестник», «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Русский труд».

Ключевые слова: Палестина, Вильгельм II, Новое время, Московские ведомости, Биржевые ведомости, Петербургский листок, Петербургская газета, Правительственный вестник, Русский труд.

Трудно назвать событие более знаковое для Палестины конца XIX века, чем приезд осенью 1898 г. германского императора Вильгельма II (1888–1918). Визит в Иерусалим, приуроченный к 31 октября – дню Реформации, оголил претензии кайзера на место нового покровителя христиан, а речь, произнесенная в Дамаске, в которой Вильгельм II объявил себя «верным другом» 300-миллионного мусульманского населения земли, оставила много вопросов о планах Германии и на Востоке, и в мире. Ощущение современниками не просто важности последствий приезда в Палестину Вильгельма, а скорее признание за этой поездкой некой точки бифуркации в восточной, а возможно и мировой политике влекло к кайзеру (восточной вариант именованья – император) всех заинтересованных и обеспокоенных строительством нового мира. За императором в Палестину последуют тысячи рядовых паломников-путешественников из стран Европы. Последуют за ним и журналисты. За миссией Вильгельма II пристально будут наблюдать в редакциях газет Лондона, Парижа и особенно Петербурга.

В этой связи возникает целый ряд вопросов об оценках путешествия кайзера Вильгельма в Палестину в 1898 г. в российской прессе. Какие причины и цели, по мнению редакций, привели германского императора на Святую землю? Какое место пустынная Палестина занимала в системе международных отношений? Как россий-

ская пресса видела новую расстановку сил на Востоке и была ли эта расстановка новой, какое будущее предрекали Палестине? Ответы на эти вопросы собственно и дает анализ российских газет.

«Что дозволено тысячам даже ваших низших крестьян, то должно быть дозволено и мне!»
[1, с. 292]

Организацией поездки кайзера занималась английская туристическая компания Кука. Несмотря на то что германская дипломатическая служба имела и опыт, и возможности самостоятельно организовать такую поездку для своего императора, Вильгельм, лишний раз подчеркивая религиозную, а не политическую составляющую своей миссии, воспользовался хоть и английской, но той компанией, которой отправлялись на Святую землю обычные, рядовые паломники. Все путешествие должно было занять по времени один месяц. На практике же программа, анонсированная прессе 1 октября 1898 г., была сокращена – из нее был исключен Египет. 10 (22) октября император со свитой должен был отправиться в Константинополь. 13 (25) октября около полудня планировалось прибытие в Хайфу. 14 (26) октября – отъезд в Яффу через еврейские колонии Сабборин, Хедеру и Амбелес. 15 (27) октября – посещение Яффы. 16 (28) октября – отъезд в Рамле и ночевка в палатках немного далее Латруна. 17 (29) октяб-

ря – посещение Иерусалима. 18 (30) октября – поездка в Вифлеем и на Елеонскую гору. 19 (31) октября – отъезд на р. Иордан. 20 октября (1 ноября) – экскурсия к Мертвому морю. 21 (2 ноября) – отъезд назад. 24 октября (5 ноября) – прибытие в Хайфу. 26–29 октября (7–10 ноября) – пребывание в Назарете. 30 октября (11 ноября) – возвращение в Хайфу. 31 октября – 3 ноября (12–15 ноября) – осмотр Бейрута, Дамаска и Баальбека. 1 ноября (16) – отъезд из Бейрута [2, № 270].

Официальными виновниками сокращения программы были объявлены тропическая жара, царившая осенью 1898 г. в Палестине, и «желание императора вернуться как можно скорее в Германию и взяться за государственные дела» [3, № 295]. Отклонившись от изначальной программы, 4 ноября Вильгельм II отплыл из Яффы в Бейрут, а уже 14 ноября Их Величества Император и Императрица Германские «благополучно вернулись в Потсдам» [4, № 250].

Путешествие Вильгельма выходило за рамки рядовых поездок августейших особ и по целям, и по масштабам. Официальная свита в поездке императора составляла всего тридцать человек, среди которых были члены правительства (министр иностранных дел фон Бюлов и главы гражданского, военного, морского кабинетов [2, № 270]), однако кроме чиновников и приближенных императора и на море и на суше сопровождали немецкие матросы, представители церкви (около 250 человек, из которых 100 человек охраны [5, № 8118]). Незримо, по всему маршруту следования, процессию опекала многочисленная немецкая тайная полиция². Как писало 30 сентября 1898 г. «Новое время»: «Уже теперь сюда стекаются толпы туристов. Цены в отелях поднялись вдвое, германская колония заказала два парохода Австрийского Ллойда, чтобы идти навстречу гостям... билеты 1-го класса на проезд по железной дороге Яффа – Иерусалим покупаются тысячами...» [5, № 8115]. 18 октября «Петербургский листок» констатировал: «число прибывших в Константинополь германцев возросло до 500 человек. В Иерусалиме число германских туристов возрастает с каждым днем, все гостиницы уже заняты» [6, № 274]. В целом, во время приезда императора Вильгельма II в Иерусалим, по данным российской прессы, прибыло не более 1500 иностранцев [6, № 296]. В результате, для того чтобы вся свита и сопровождающие смогли верхом и на каретах въехать в пределы Старого города в Иерусалиме, туркам пришлось засыпать крепостной

ров и разобрать участок стены возле Яффских ворот.

**«Твоя любезная телеграмма,
посланная мне в Иерусалим, показывает,
что ты с интересом следишь
за моим путешествием» [1, с. 295]**

Отличалось путешествие Вильгельма и широкой, выражаясь современными терминами, PR-кампанией. Еще до начала поездки в газетах стали тиражировать фотографии, на которых кайзер выбирал себе костюм для путешествия, были выпущены открытки с изображением императорской четы на фоне видов тех мест, которые предполагалось посетить. Наконец, весь ход поездки освещался прессой, для журналистов на протяжении путешествия создавались практически все условия для работы: были оборудованы специальные площадки для лучшего обзора процессий и фейерверков, розданы приглашения на закрытые светские мероприятия, предоставлен отдельный поезд из Яффы в Иерусалим [3, № 288]. В результате турецкая сторона получила восторженные и благодарные отзывы со стороны мировой прессы за организацию их работы. Пожалуй, единственным исключением стал инцидент с британскими журналистами, которые были возмущены отказом турок предоставить им места в поезде императорской четы, а пытавшегося пробраться в поезд, несмотря на отказ, корреспондента Times чуть не расстреляла турецкая охрана [6, № 292].

С германской стороны за информирование о поездке отвечала «Иллюстрированная газета» (Illustrierte Zeitung), которая в специальном приложении практически в режиме реального времени информировала подданных о малейших перемещениях своего императора. При этом наибольший ажиотаж поездка Вильгельма вызвала среди иностранных печатных изданий. Русский корреспондент Борей (Шуф В.А.), пытаясь сравнить степень присутствия в путешествии германских и французских журналистов, отмечал: «К нам присоединилась чуть ли не вся французская пресса... можно предположить, что парижская печать придает этому событию весьма серьезное значение. Немецкая пресса, как кажется, не совсем разделяет подобное мнение. По крайней мере единственный немецкий журналист, ехавший с нами, г. Конитцер, отрицал политическое значение путешествия Германского императора. Такому отзыву, конечно, нельзя доверять вполне, но ведь немцы вообще довольно скептически» [3, № 289].

Из России только несколько редакций отправили своих представителей в качестве придворных корреспондентов Вильгельма II; из-

вестно, что в Палестине в это время работали журналисты П. Вожин (П.Н. Дубенский), Льдов (К.К. Розенблюм) и Борей [3, № 282]. Большая же часть редакций, не имея собственных корреспондентов на Святой земле, получали информацию из зарубежных изданий, прежде всего французских, турецких и германских.

Оперативная информация о ходе поездки императора поступала от информационных телеграфных агентств. Несмотря на то что по соглашению 1870 г. о разделе сфер влияния между мировыми телеграфными агентствами Россия относилась к зоне ответственности берлинского агентства Вольфа и должна была работать только через него (это касалось и Российского телеграфного агентства) [7, с. 33], на практике российская пресса публиковала, наряду с телеграммами Вольфа, еще и сообщения английского агентства Рейтер. В этом, возможно, не было конфликта интересов, учитывая, что Палестина и Ближний Восток как раз входили в зону ответственности британцев. Зарубежные телеграммы запаздывали в Россию примерно на два дня и после этого тиражировались по всем изданиям. Отражение особой важности поездки Вильгельма в русских газетах демонстрировали данные о приоритете расстановки телеграмм в новостной ленте, в обычные рядовые дни эта лента начиналась с телеграмм из европейских столиц, но осенью 1898 г. ситуация изменилась. Новости с Ближнего Востока заметно прибавили в рейтингах, особенно это было заметно на примере «Правительственного вестника», где сообщения о кайзере 19 октября были поставлены на первое место, и в целом не опускались ниже четвертого. «Новое время» и «Биржевые ведомости» также выделяли новости со Святой земли из общих телеграмм, расставляя их на вторых, третьих позициях.

**«Меня страшно поразил весь вздор,
распускавшийся в европейских газетах
по поводу моей поездки в Иерусалим»
[1, с. 291]**

Первые сообщения о поездке Вильгельма II на Святую землю появились в российской прессе еще до начала самого путешествия. В августе 1898 г. в преддверии миссии Вильгельма ежедневная газета «Московские ведомости» начала публиковать серию «Писем о Святой земле», автором которых являлся секретарь Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), один из ведущих российских экспертов по палестинским делам В.Н. Хитрово. Его «письма» служили своего рода ликбезом для обывателя по ситуации в Палестине. Он писал:

«Как только они (иностранцы и отечественные журналисты. – *Прим. авт.*) коснутся Палестины, выйдя из общих мест, глубоко поражаешься детским незнанием не только внутренней жизни, но и простых внешних условий того клочка земли, которая носит название Святой» [2, № 233]. Безусловно, В.Н. Хитрово в своих «письмах» реализовывал и сугубо политические задачи: формирование общественного мнения в России по отношению к палестинской политике империи. Темы прозелитизма, роста католического и протестантского присутствия на Святой земле как нельзя лучше соответствовали общему монархическому духу «Московских ведомостей»³.

Несмотря на все попытки кайзера нивелировать политическую составляющую миссии, редакции российских газет сосредоточились именно на этом вопросе. В.Н. Хитрово писал: «Наше внимание привлекает и то лицо, бесспорно недюжинное среди нашего всеуравнительного мира, а также и та обстановка, при которой она совершается, и по лицу, совершаемое это посещение и по той обстановке, которая ей придается, – оно, бесспорно, принимает выдающееся значение» [2, № 233].

Корреспондент «Нового времени»⁴ П. Вожин отмечал: «Необыкновенная пышность поездки, долгое почти месячное пребывание императора на Востоке, вопреки официальным сведениям, заставляют видеть в этих фактах не простую экскурсию коронованной особы за границу. Совместные усилия Турции и Германии стремятся дать ей облик события необычайной политической значимости» [5, № 8118]. «Правительственный вестник»⁵ в новостной ленте кратко резюмировал: «Поездка в Палестину германского монарха создаст на Востоке широкий и прочный базис для германских интересов, соответственно которому разрастётся и политическая роль империи Гогенцоллернов» [4, № 219].

Поездка Вильгельма невольно вызывала определенные исторические ассоциации с предыдущими появлениями германцев на Святой земле, прежде всего в эпоху крестовых походов, что собственно и давало простор для журналистских издевок. Газета «Русский труд»⁶ назвала миссию императора «братанием Тевтонов с Османами» и «мирным походом наследника Барбароссы в Палестину» [8, № 41]. «Новое время» окрестило путешествие кайзера «медовым месяцем немецко-турецкой любви» и не без иронии напомнило, что Вильгельм «идет как раз по тому самому пути, по которому ровно 670 лет назад германский император Фридрих I в последний раз отправился в такое же путешествие, но для того, чтобы во имя св. Кре-

ста обнажить меч против неверных, а не для того, чтобы мимоходом «еще закрепить дружбу» с султаном и проч.» [5, № 8118]. «Московские ведомости» в этой связи также попытались провести исторические параллели, упомянув уже о Фридрихе II и его попытке мирно завладеть Палестиной [2, № 279].

Еще до начала миссии кайзера российские издания высказали практически всю линейку мнений по вопросу политических последствий этого путешествия. «Новое время», пересказывая статью из французской Figaro, сравнило приезд Вильгельма II в Палестину с политикой российского императора Николая I, приведшей к началу Крымской войны [5, № 8098]. «Правительственный вестник» более нейтрально констатировал, что «появление Императора Германского в Иерусалиме будет знаменовать собой торжественную манифестацию протестантизма, направленную к подрыву французского протектората над католиками в Турции, и следовательно к умалению на Востоке политической роли Франции» [4, № 219]. «Биржевые ведомости» вопрошали, «не будет ли таким образом нарушено равновесие великодержавных сил на ближайшем Востоке», и уверенно отвечали: «но если и будет, то там же всегда найдется, чем его восстановить» [9, № 267]. Были и издания, которые в принципе поставили под сомнение важность последствий миссии германского монарха для России. В.Н. Хитрово на страницах «Московских ведомостей» писал: «Не протестанство и Германия, при нынешних условиях, опасны для православия в Св. Земле, а латинство и Франция» [2, № 287]. А «Петербургская газета» еще более равнодушно отмечала: «Но для нас, русских, не имеется налицо никаких оснований к тому, чтобы раздувать это «паломничество» до размеров «мировой злобы», которых оно не имеет и не может и не будет несмотря ни на какие старания» [3, № 276].

Российская пресса в преддверии поездки Вильгельма II внимательно следила, а возможно, и искала англо-германский след. Практически сразу после анонса плана путешествия кайзера ведущие российские газеты высказали предположение невключения Египта в палестинскую программу. «Правительственный вестник» объяснял исключение Египта нежеланием императора вторгаться в страну, «в которой британское господство стоит в противоречии с воззрениями европейской дипломатии на египетский вопрос» [4, № 215]. «Московские ведомости» на своих страницах рассуждали, что поездка к пирамидам могла быть расценена и как признание отделения Египта от Турции, и как подтверждение такого сближения с Англи-

ей, которое должно было вызвать «подозрительность относительно честности германской политики» [2, № 272]. «Новое время» подчеркивало: «Поездка в Египет окончательно исключена из программы путешествия императора, если не вследствие заявлений, полученных им, как уверяли некоторые из Парижа и из Петербурга, то вследствие осознанной необходимости возможно сократить время отсутствия из Германии ее вечно путешествующего монарха» [5, № 8120]. В российских новостях присутствовало явное противопоставление континентальной Европы⁷ и Англии, «европейской дипломатии» и «британского господства». Независимо от профранцузских или прогерманских симпатий, при выборе Англия или Германия, ведущие российские издания практически безальтернативно склонялись в пользу континентального соседа.

**«...если бы я приехал туда,
не имея никакой религии, то конечно стал
бы магометанином» [1, с. 296]**

В спектре мнений редакций российских изданий обращает на себя внимание общее приравнение религиозной составляющей с политическими целями путешествия Вильгельма II, т.е. для российского журналиста религиозные и политические цели касательно Палестины фактически были синонимичны. Поэтому не случайно, что главной темой в общественно-политической прессе России, как в преддверии визита, так и на протяжении всего следования кайзера по Палестине, было обсуждение влияния поездки Вильгельма на французские духовные права на Востоке и в целом на отношения Германии с папским престолом. Интрига для российской прессы состояла в том, чьи претензии (Франции или Германии) на протекторат над немецкими католиками на Святой земле поддержит Папа Римский. Российская пресса фиксировала неурегулированность германо-ватиканских отношений и неясность позиции Святого престола (чьи претензии поддержать?) не случайно, 29 сентября Латинский иерусалимский патриарх прибыл в Рим, чтобы лично получить «инструкции относительно того, как вести себя и что делать во время поездки по Палестине германского императора Вильгельма II» [2, № 268].

В этой неопределенности симпатии издателей в России разделились. Если «Петербургская газета»⁸ еще достаточно осторожно отмечала, что поездка императора Вильгельма в Палестину в принципе совершенно справедливо должна подчеркнуть «полную германскую религиозно-политическую независимость и самостоятель-

ность на Востоке и притом даже с наклоном к завоеванию своего рода гегемонии в Святых местах» [3, № 269], то «Биржевые ведомости» открыто склонялись к германской версии событий, предрекали, что «поездка эта означает торжество германской политики, которая в последующее десятилетие будет господствовать во всем Леванте», Франция же их словами «смотрит с бессильной злобой на восточную поездку императора» [9, № 260]. По ощущению журналистов, Германия имела на это все шансы и права, однако, несмотря на очевидную симпатию немецким устремлениям, эти же журналисты признавали, что Рим все-таки не был готов полностью лишиться Франции ее статуса покровителя католиков. «Новое время» в вопросе протектората скорее заняло профранцузскую позицию, заявляя, что упомянутое выше послание папы кардиналу «уничтожило всякие надежды царственного паломника на восторженный прием со стороны не принадлежавших к немецкой нации католиков Палестины» [5, № 8120].

Важно отметить, что вопрос религиозной экспансии Германии на Востоке в части российских изданий был поставлен значительно шире простой поддержки протестантского и даже христианского населения. Российские журналисты «Биржевых новостей» предрекали претензии Вильгельма II на защиту нехристианской, а немецкой общины Палестины, т.е. прежде всего немцев (а уже потом католиков или протестантов) [9, № 267]. В.Н. Хитрово, рассуждая на эту тему, писал, что у немцев «религиозные чувства всегда играли и играют роль согласную с национальным чувством», потому цель миссии кайзера: «прославление или по меньшей мере выражение идеи пангерманизма. Даже латинствующие Немцы видят в этом посещении императора для освящения лютеранской церкви в Иерусалиме торжественное шествие а` la Лознгрин (опера Рихарда Вагнера. – Прим. авт.) Германского императора, которого ожидает в Иерусалиме титул покровителя христианства» [2, № 236].

После прибытия императора Вильгельма II в Палестину первые сообщения о его поездке подтвердили мнение В.Н. Хитрово. Если анонсированным поводом для приезда германского императора в Палестину было освящение лютеранской церкви, то уже из Константинополя пришло сообщение о приобретении кайзером земельного участка в Иерусалиме La dormition de la Sainte Vierge (Успение Богородицы) «в интересах католиков» [9, № 286]. На встрече с немецкими колонистами из Сароны кайзер отметил, что «чем крепче Немцы на Востоке будут держаться своего отечества, тем более по-

лезный элемент они составляют для развития культуры в Турецкой империи» [2, № 287]. Далее, посещая колонии храмовников, Вильгельм сделал недвусмысленное заявление, которое в редакциях большинства газет было переведено как: «Если кто-нибудь из вас нуждается в моей поддержке, то я здесь для этого и пусть обращаются ко мне без различия исповеданий. Германская империя имеет, к счастью, возможность оказывать серьезную поддержку своим подданным» [9, № 288; 5, № 8137; 4, № 230]⁹.

На этом этапе путешествия Вильгельма II, казалось, прогнозы представителей российской прессы в целом сбылись. Однако далее Вильгельм провел встречи с представителями восточных церквей, где русские издания отметили «чрезвычайное усердие и раболепство греков» [5, № 8188]. Принял еврейскую депутацию, высказав «доброжелательное отношение» к стремлениям, «которые направлены к подъему сельского хозяйства в Палестине на благо турецкой империи при полном соблюдении верховных прав султана» [9, № 289]. Наконец, в Дамаске император, не посетив ни одной церкви и ни одного христианского учреждения, совершил паломничество к гробу «героя ислама, изгнавшего крестоносцев с Святой земли» – Салла-Эддина, а в одной из речей назвал себя «верным другом» и «патроном мусульман» [5, № 8171].

Эти факты сместили в российских изданиях политико-религиозные акценты трактовки поездки Вильгельма в сторону сугубо прагматических. К моменту отъезда кайзера из Палестины становился очевидным поиск Германией союзника на Ближнем Востоке, точки опоры для дальнейшего продвижения. Если первоначально российская пресса усматривала вектор движения Германии в сторону расширения протектората над католиками Палестины, то по ходу поездки кайзера журналисты уловили и особое внимание Вильгельма II и к настоятелям восточных церквей, и к сионистам, и к мусульманам. П. Вожин, непосредственно наблюдая поездку Вильгельма, писал из Дамаска: «Как известно, претензии и заносчивость мусульманам могут только разве идти в параллели с их наивностью. Пребывание Вильгельма II произвело в подобной среде необычайное впечатление. Здесь, действительно, верят в какую-то новую эру... Трудно даже и представить, к каким результатам может привести возрождение панисламизма, нашедшего в себе новую и довольно неожиданную точку опоры» [5, № 8171].

Однако, подводя итоги поездки Вильгельма II, некоторые российские издания постарались нивелировать политическую значимость описываемого события, нагнетаемую на протяжении

месяца. Не нужно забывать, что газеты писали российскому читателю, которому нужно было поддерживать веру в силу и влияние Петербурга и в Турции, и в концерте европейских держав, подогревать значимость российской ближневосточной политики России в целом. Простейшим способом возвысить Россию было – принизить достижения Германии.

«Петербургский листок»¹⁰ отмечал, что «оборонительный и наступательный союз между Германией и Турцией совершенно не мыслим» и в целом поездка Вильгельма II не явилась «провозвестницей новой эры блеска и силы» [6, № 296]. «Московские ведомости» отмечали, что «прием императору Вильгельму, в общем, был оказан довольно холодный со стороны населения». Не подтвердились, по мнению издания, и слухи «о военном союзе Германии с Турцией» [2, № 293]. Таким образом, газета резюмировала, что из двух целей, заявленных в начале путешествия: «достижение более тесного союза между Турцией и Германией» и «уничтожение протектората Франции над восточными католиками», – германский император выполнил только первое, при этом «без всякой будущности», потому что «Турецкое правительство не может продолжать следовать по этому пути (сближения с Германией. – Прим. авт.) без совершения над собой самоубийства». Вторая же цель, оказалась, по мнению издательства, не достижимой, корреспондент Борей резюмировал: «Мы не знаем, имел ли император Вильгельм еще какие-либо другие планы в Палестине, но если такие планы и существовали, они должны были исчезнуть при виде того настроения, в каком он нашел германских католиков в Иерусалиме» [2, № 311].

П. Вожин из «Нового времени», также акцентируя внимание на «бесплодности дружбы с немцами» [5, № 8150], все же отмечал, что вопрос о протекторате над германскими католиками де-факто был улажен в пользу немцев: Франция сохранила протекторат над «восточными учреждениями универсального характера», а Германия «над чисто германскими учреждениями» [5, № 8160].

Солидарны российские издания оказались в оценке экономических итогов путешествия Вильгельма II, они отмечали, что переговоры кайзера с султаном «имели в виду лишь торгово-промышленные интересы Германии», «и по многим вопросам уже состоялось соглашение» [2, № 293], к самым перспективным из них журналисты относили приобретение портов в Кайфе (Хайфе) и Кессарии, постройку железной дороги из Кайфы через Дамаск к Багдаду. Все это, по их мнению, открывало дорогу «росту

Германии во вне» и реализации колониционных целей Вильгельма II [5, № 8159].

«Мысль, что его взор покоился на этих самых холмах, что нога его ступала по этой самой земле, волнует сердце и заставляет его биться быстрее и горячее» [1, с. 295]

Отдельным вопросом последствий восточной поездки императора Вильгельма II стоял вопрос о Палестине и ее судьбе. Переплетённый с общей логикой поездки кайзера и в целом ближневосточной политикой, он все-таки занимал для российских журналистов особое место. Особость, исключительность Палестины, с одной стороны, была очевидна и не требовала каких-либо дополнительных пояснений читателю российских изданий, с другой – приезд кайзера заставил посмотреть журналистов на Святую землю если не новыми глазами, то, по крайней мере, вынудил российскую прессу ответить на вопрос: в чем собственно исключительность Палестины и почему именно ее посещение Вильгельмом II привело в движение всю европейскую дипломатию.

Представляется, что наиболее тонко особый статус Палестины подметил в своих «Письмах» В.Н. Хитрово, пытаясь объяснить «незнание» Палестины современными журналистами, он рекомендовал искать причины этого «незнания» в «подавляющем священном и историческом значении Святой земли и несоответствии поэтому действительности и ожиданиям» [2, № 233]. Палестина застряла в российском сознании в библейской эпохе, отношение к ней было исключительно как к Святой земле. При этом, по мнению Хитрово, сегодня Палестина «осталась только сосудом дорогим по воспоминаниям, но не в состоянии ничего более нам дать» [2, № 274].

Корреспондент П. Вожин также уловил изменение подхода к Палестине, он писал: «каким-то новым духом повеяло над заснувшей «Богом сожжённой» Святой Землей» [5, № 8199]. Размышляя в этом направлении, он пошел дальше Хитрово, отмечая, что до середины XIX в. великие державы видели в Палестине «страну, значение которой несмотря на всю грандиозность заключалось в специальной сфере чисто религиозных интересов». Однако в последние 20 лет, по его мнению, изменилось «мировое значение Палестины», причина изменений же кроется в «географическом удобстве Палестины». Если ранее, с упадком азиатских государств, путь через Палестину потерял значение, то теперь, после постройки Суэцкого канала (1864 г.), с ростом железнодорожного строительства «восстанавливается положение

Азии и вообще колониальной политики, участие, которое в ней принимают великие державы, естественным путем ведут к возрождению старого торгового пути из Индии, в Персию, Китай». И, следовательно: «В силу подобных обстоятельств Палестине и Сирии предстоит вновь занять если не выдающееся положение, которое они имели некогда, то во всяком случае удел страны, имеющей огромное значение в сношениях Европы и Азии» [5, № 8199].

Таким образом, приезд Вильгельма II нанес удар в сознании по исключительно библейской оценке Палестины. Вильгельм, если можно так выразиться, секуляризировал Святую землю, превратив ее в важную стратегическую точку своей колониальной, или, точнее, колонизационной, политики на Ближнем Востоке и в Малой Азии. Корреспондент Борей констатировал: теперь «ни одно христианское государство не может оставаться равнодушным при виде вторжения иностранной светской власти туда, где до сих пор боролись лишь между собой только одни религиозные общества» [6, № 324].

Если главными игроками до приезда Вильгельма II в Палестине журналисты называли Францию и Россию, то после уже заговорили о новой роли Англии, Германии и США. П. Вожин отмечал, что «Франция следует при этом своей традиционной политике», а вот Германия, Англия и Америка идут за «политическими и торговыми достоинствами», лишь прикрываясь «ореолом христианской идеи» [5, № 8199]. В этих же красках писал Борей: «рыцарская и поэтическая обстановка поездки в Палестину, может, только декорация» – и далее: «Приобрести Палестину путем бакшишей трудно, хотя современные крестоносцы и немецкие иониты следуют именно по этому пути мирного завоевания Святой земли» [6, № 306].

Но приезд Вильгельма II в глазах российских журналистов – это был удар не только по интересам Франции, которая, по словам П. Вожина, «бесспорно преобладала» в Сирии, но теперь встретила «людей, не уступающих им в культурном отношении» [5, № 8171], это был удар и по интересам России. Цитируя архиепископа Севастийского Кирилла, присутствовавшего при открытии Вильгельмом II лютеранской церкви, «Петербургский листок» писал: «Теперь у православия в Иерусалиме два врага: католичество и лютеранство» [6, № 306]. Хотя это же издание позднее уже рассчитывало на то, что лютеранство «явится в Палестине союзником православия в борьбе с латинством» [6, № 311]. В целом, интересы России в Палестине российские издания называли «исключительно религиозными», и, даже секуляризируя

ее в процессе путешествия Вильгельма II, они не видели для России, и прежде всего для себя, другой ценности Палестины помимо Святых мест.

Так или иначе, анализ конструкций будущего Палестины российской прессой позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, российские журналисты после приезда кайзера в Палестину практически единодушно стали говорить о разделе Османской империи. «Московские ведомости» разъясняли читателю: «“неприкосновенность Османской империи” понятие весьма растяжимое, ничуть не исключаящее изъятие целых стран из-под власти султана. Примером может служить Крит. Более того, территориальная целостность ограничивается только азиатскими владениями султана. Это очевидные исключения европейских и африканских владений, где Вильгельм II не желает препятствовать австро-венгерским и британским алчным стремлениям» [2, № 311]. Соответственно, во-вторых, что кажется очевидным для российских журналистов, будущее Палестины выстраивалось исключительно вне Османской империи или в рамках традиционного французского протектората, или в рамках нового германского, или даже российского. Борей писал: «При грядущем разделении Турции, которое мерещится европейским дипломатам, легко может случиться, что германская бухта близ Кайфы, хорошенькая Цезаря, окажется немецким ключом от Палестины» [6, № 311]. П. Вожин называл Палестину столь интересной страной, что там «при грядущем разделе Турции необходимо иметь подготовленную почву» [5, № 8200].

Заключение

Подводя итоги, следует сконцентрироваться на нескольких общих соображениях. Поездка императора Вильгельма II в Палестину, как и оценка этого путешествия, представляют собой один из индикаторов формирования новой расстановки сил в мировой системе перед Первой мировой войной, отражение растущих амбиций Германии и вторжение ее в традиционные французские и российские области интересов. Палестина в этой связи была для российской прессы важнейшей точкой бифуркации. В сознании российского общества еще ярко жило воспоминание о катастрофе Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., начиналась которая с такого же, казалось бы, незначительного факта, как и рядовое паломничество кайзера Вильгельма II. Сама история Палестины и уроки Крымской войны научили российских журналистов искать на этой земле в обычном – неорди-

нарное, в незначительном – важнейшее. Возможно, поэтому ожидания от итогов поездки германского императора в начале путешествия были скорее завышенными, рядовое паломничество (каким его хотел изобразить Вильгельм) превращалось на страницах российских печатных изданий в новый крестовый поход или повод для новой большой войны. Но в процессе поездки ожидания у российских изданий постепенно сглаживались, что в итоге выразилось в весьма скромных оценках результатов паломничества Вильгельма II.

В то же время приезд кайзера стал контрольной точкой, на момент которой следовало бы подвести баланс сил на Ближнем Востоке, оценить происходившие в последние десятилетия события. Для российской прессы результаты этой оценки, очевидно, оказались неожиданными. Мышление категориями Палестина – Святая земля, традиционно доминирующими в российском сознании, выстраивали все интересы держав, включая Россию, на этой турецкой территории исключительно вокруг Святых мест и функционировании религиозных общин. Другое положение дел в Палестине было или неизвестно, или, что скорее всего, просто не интересовало российское общество. Путешествие Вильгельма II, однако, продемонстрировало другую Палестину и иные интересы, произошла секуляризация сознания. На страницах российских газет отчетливо прозвучало желание императора найти на Святой земле точки опоры для своей политики, будь то в протестантах, католиках, православных, евреях или мусульманах. Российские журналисты, задаваясь вопросом о месте пустынной Палестины в системе международных отношений, стали отмечать ее новое особое географическое и стратегическое положение, результаты поездки кайзера связывать не с политическими, а с экономическими достижениями. Традиционное соперничество Франции и России вокруг Святых мест стало уступать прагматическим целям Германии и Британии в Палестине, и прежде всего в вытеснении французского влияния в торговле. При этом будущее Палестины выстраивалось в оценках журналистов вне пределов Османской империи, они предвосхищали раздел турецкого наследства, предостерегали от возможной потери Россией прежнего влияния в ней. Однако осенью 1898 г. в Петербурге еще всерьез не собирались перестраивать свою духовную палестинскую политику в политику сбалансированную. В России просто не видели в Палестине особой стратегической территории или экономического Эльдорадо. В конце XIX в. россий-

ское правительство не хотело использовать даже те возможности, которыми там обладало.

Примечания

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-61-01007 – «Палестина в системе международных отношений в конце XIX – начале XX в.: российский взгляд».
2. Наличие охраны было связано со слухами о готовящемся покушении на императора Вильгельма, эту тему активно муссировала пресса в сентябре – октябре 1898 г.
3. «Московские ведомости» при редакторе праворадикального толка В.А. Грингмуте (1896–1907) оставались ведущей монархической газетой в России, важное место в которой занимала православная тематика.
4. «Новое время» издателя А.С. Суворина считалось самой влиятельной ежедневной газетой в России, создавалось по образу европейских газет и располагало самым объемным разделом «внешних известий».
5. «Правительственный вестник» печатался при Главном управлении по делам печати под редакцией русского поэта, писателя и чиновника, действительного тайного советника К.К. Случевского (1891–1902).
6. «Русский труд» представлял собой политическую, экономическую и литературную газету, его редактором в 1898 г. был публицист монархических взглядов С.Ф. Шарапов.
7. Этот же нарратив активно использовался Вильгельмом в переписке с Николаем II: «они [англичане] стараются изо всех сил найти континентальную армию, которая стала бы сражаться ради их интересов! Я полагаю, им будет нелегко найти таковую, – по крайней мере это будет не моя!» [1, с. 292].
8. «Петербургская газета» под редакцией Н.С. Худекова относилась к «малой» политической и литературной прессе.
9. «Московские ведомости» последнюю фразу перевели иначе: «...к счастью, Германское государство в состоянии охранять своих уроженцев за границей» [2, № 291].
10. «Петербургский листок» под редакцией Н.А. Скроботова относился к политической, общественной и литературной газете.

Список литературы

1. Из текста письма Вильгельма II Николаю II // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. / С предисловием М.Н. Покровского. М., 2007.
2. Московские ведомости. 1898 г. 25 августа. № 233; 28 августа. № 236; 29 сентября. № 268; 1 октября. № 270; 3 октября. № 272; 5 октября. № 274; 10 октября. № 279; 17 октября. № 286; 18 октября. № 287; 22 октября. № 291; 24 октября. № 293; 11 ноября. № 311.
3. Петербургская газета. 1898 г. 1 октября. № 269; 8 октября. № 276; 27 октября. № 295; 20 октября. № 288; 21 октября. № 289; 14 октября. № 282.
4. Правительственный вестник. 1898 г. 3 октября. № 215; 8 октября. № 219; 17 ноября. № 250; 22 октября. № 230.

5. Новое время. 1898 г. 3 октября. № 8118; 30 сентября. № 8115; 12 декабря. № 8188; 5 октября. № 8120; 22 октября. № 8137; 9 ноября. № 8155; 25 ноября. № 8171; 4 ноября. № 8150; 13 ноября. № 8159; 14 ноября. № 8160; 25 ноября. № 8171; 23 декабря. № 8199; 24 декабря. № 8200.

6. Петербургский листок. 1898 г. 6 октября. № 274; 28 октября. № 296; 24 октября. № 292; 28 октября. № 296; 7 ноября. № 306; 12 ноября. № 311; 25 ноября. № 324.

References

7. Набережнов Г.А. Санкт-Петербургское телеграфное агентство и консорциум мировых телеграфных агентств осенью 1904 г.: взаимоотношения и формирование независимости российской информационной службы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 159. С. 32–38.

8. Русский труд. 17 октября 1898 г. № 41.

9. Биржевые ведомости. 1898 г. 24 сентября. № 260; 1 октября. № 267; 20 октября. № 286; 22 октября. № 288; 23 октября. № 289.

№ 8120; 22 октября. № 8137; 9 ноября. № 8155;

KAISER WILHELM II'S VISIT TO PALESTINE IN 1898 AS VIEWED BY THE RUSSIAN PERIODICAL PRESS

M.S. Shapovalov

The paper examines the visit of the German Emperor Wilhelm II to Palestine in the autumn of 1898, which was virtually unexplored by Russian historians, and its reflection in the Russian periodical press of the period (August–December 1898). By investigating leading newspapers («Novoe vremya», «Pravitelstvennyi vestnik», «Moskovskie vedomosti», «Birzhevye vedomosti», «Peterburgskaya gazeta», «Peterburgskii listok», «Russkii trud»), the author discusses the reasons and objectives of the visit as they were viewed by Russian publicists, and also Palestine's place and future in the imagined system of international relations. Particular attention is paid to the analysis of the materials presented by the journalists P.N. Dubno, K.K. Rosenblum, V.N. Khitrovo, V.A. Shuf.

Keywords: Palestine, Wilhelm II, «Novoe vremya», «Pravitelstvennyi vestnik», «Moskovskie vedomosti», «Birzhevye vedomosti», «Peterburgskaya gazeta», «Peterburgskii listok», «Russkii trud».

1. Iz teksta pis'ma Vil'gel'ma II Nikolayu II // Perepiska Vil'gel'ma II s Nikolaem II. 1894–1914 gg. / S predisloviem M.N. Pokrovskogo. M., 2007.

2. Moskovskie vedomosti. 1898 g. 25 avgusta. № 233; 28 avgusta. № 236; 29 sentyabrya. № 268; 1 oktyabrya. № 270; 3 oktyabrya. № 272; 5 oktyabrya. № 274; 10 oktyabrya. № 279; 17 oktyabrya. № 286; 18 oktyabrya. № 287; 22 oktyabrya. № 291; 24 oktyabrya. № 293; 11 noyabrya. № 311.

3. Peterburgskaya gazeta. 1898 g. 1 oktyabrya. № 269; 8 oktyabrya. № 276; 27 oktyabrya. № 295; 20 oktyabrya. № 288; 21 oktyabrya. № 289; 14 oktyabrya. № 282.

4. Pravitel'stvennyj vestnik. 1898 g. 3 oktyabrya. № 215; 8 oktyabrya. № 219; 17 noyabrya. № 250; 22 oktyabrya. № 230.

5. Novoe vremya. 1898 g. 3 oktyabrya. № 8118; 30 sentyabrya. № 8115; 12 dekabrya. № 8188; 5 oktyabrya.

25 noyabrya. № 8171; 4 noyabrya. № 8150; 13 noyabrya. № 8159; 14 noyabrya. № 8160; 25 noyabrya. № 8171; 23 dekabrya. № 8199; 24 dekabrya. № 8200.

6. Peterburgskij listok. 1898 g. 6 oktyabrya. № 274; 28 oktyabrya. № 296; 24 oktyabrya. № 292; 28 oktyabrya. № 296; 7 noyabrya. № 306; 12 noyabrya. № 311; 25 noyabrya. № 324.

7. Naberezhnov G.A. Sankt-Peterburgskoe telegrafnoe agentstvo i konsorcium mirovyh telegrafnyh agentstv osen'yu 1904 g.: vzaimootnosheniya i formirovanie nezavisimosti rossijskoj informacionnoj sluzhby // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2013. № 159. S. 32–38.

8. Russkij trud. 17 oktyabrya 1898 g. № 41.

9. Birzhevye vedomosti. 1898 g. 24 sentyabrya. № 260; 1 oktyabrya. № 267; 20 oktyabrya. № 286; 22 oktyabrya. № 288; 23 oktyabrya. № 289.